

Работа

КАК ДЕЛАЕТСЯ ПОГОДА?

В Одесском экологическом университете (бывший гидрометеорологический институт) есть военная кафедра, которая готовит офицеров-гидрометеорологов. Виктор Лисоводский там работает. Помимо преподавательской деятельности на кафедре ведется научная работа.

На протяжении ряда лет формируется банк данных спутниковых наблюдений, что позволило создать один из наиболее полных архивов спутниковых данных на Украине. Получаемая информация используется для разработки методов слежения, диагноза и прогноза опасных метеорологических явлений.

На основании спутниковых данных о температуре поверхности моря и облачном покрове изучен физический механизм образования метеорологических феноменов подсеточного масштаба, что позволяет осуществлять прогноз специфических погодных условий для обеспечения безопасности полетов авиации.

Следует сказать, что существует тесная связь между гидрометеорологическими и геофизическими условиями. Особенно интересно ее прослеживать на примерах крупных природных катаклизмов, та-

ких как летние наводнения в Европе в 2001-2002 годах, или цунами в Юго-Восточной Азии 26 декабря 2004 г.

В начале апреля в Вене проходила XXXI Генеральная ассамблея Европейского союза наук о Земле, на которой В.Лисоводский выступил с докладом, посвященным новым подходам к совершенствованию моделей погоды и климата.

ЧЕТЫРЕ КАРТИНКИ С БОДХОНЫ

Среди отзывов на воспоминания Сергея Меньшенина о восхождении на Бодхону (см. №№ 327-329), письмо непосредственного участника восхождения **Алексея Болдырева**, написанное Меньшенину сразу после прочтения первой части рассказа.

Сержо, спасибо!!!

Удовольствие получаю через край, читаю – руки потеют.

Как ты это все помнишь? У меня остались отдельные картинки в голове, но никак не связное воспоминание. Картинки такие.

1. Когда выглянул из-за поворота Чапдары (см. фото), первая возникшая мысль оформилась в виде двух больших холмов: "Ж... Куда мы лезем?"

2. Со скального пояса под ледником помню вертикальную нашлепку, которая начиналась вполне мирно – толщиной добрых полметра с честной щелью под закладки, пальцы и галоши. Потом равномерно и постепенно нашлепка становилась тоньше, лезть стало удобней, поскольку захватить можно было ладонью всю толщину. Через двадцать метров толщина нашлепки стала 3 см, она слегка вибрировала, гудела, закладки стало класть бесполезно – все равно вылетят, и я с придыханием, тихо-тихо, вежливо, стараясь ее не нагружать ни в какую сторону передвигался по ней плоть до... ее острого конца. Там волей неволей мне пришлось перейти на стену. 3 метра деликатного лазания (над этим острым концом) – и всё. Началась та самая, длинная косая полка вправо, которая вывела нас под ледник. Сколько разных мыслей посетило меня на этой гудящей плите, хватило бы на целый роман.

3. Меньшенин, штурмующий нависающую ледовую стенку. Она же маленькая, как игрушка, метров 15, но висит выраженно. Выглядело все, как на тренажере для ледолазания. У меня, пожалуй, остались слайды этого штурма. А как она висит, становится понятно потом, когда последний ледобуры выворачивает.

4. Глядя на ледник на фотографии, кажется, что его можно весь пройти на фифах. А оказался-то плоский, думаю, там и 30 градусов не было. Там еще была шикарная ночевка, когда палатка стояла как на балконе над ледником.

И еще надо сказать честно, что верхнюю стену в лоб мы не полезли. Ушли вправо. Но маршрут хорош, он остался у меня единственным первоходом в жизни. Всем, кто сделал это возможным, – спасибо.

Массив северной стороны Бодхоны. (Снимок с пер. Талбас. На переднем плане – склоны Чапдары)

Я тут спросил младших товарищей, не найдут ли на них (это еще Винни Пух разъяснял, что не ты на шумелки и пр. находишь, а они на тебя находят), и дочь выдала эссе про тополя. В. Лунин

Галина АГЛЯМОВА

Алаудинские тополя

И тополя уходят, но путь их озерный светел.
И тополя уходят, но нам оставляют ветер...

Гарсиа Лорка

Мне довелось бывать в Фанах накануне распада СССР, мы ездили на сборы альпклуба МГУ в 1991 и 1992 годах. Были мы тогда очень молоды, даже не в плане возраста (лет 18-20), а скорее в плане опыта. Практически новички. Первый раз я ездила значком, второй – третьеразрядником. Соответственно, и приятели такие же. Были на сборах и взрослые люди, как Миша Штарков, погибший через несколько лет на пике Ленина, Леша Болдырев, Сергей Антонов и другие, и, конечно, Андрей Заболотных, который выполнял роль директора альпклуба и которого мы все на самом деле очень любили за общительный нрав и общую жизнерадостность. Старшим мы как-то подбрасывали заброску под Бодхону. Сами мы, конечно, только любовались на такие красивые «настоящие» горы, а лазали на БорЗаМир (незабвенные Борцы За Мир) и Алаудин. Впрочем, сходили в конце сезона на «почти пятитысячник» Пайхамбер (5 тыс. без 40 м). Наше зеленое отделение как-то буквально слетало туда, часам к 11 утра мы уже спустились – вот что значит войти в форму (и вовремя встать ☺). Но ввиду отсутствия личных суровых подвигов и суперспортивных восхождений Алаудины мне запомнились своей потрясающей красотой. Там я увидела Рериховские горы – совершенно оранжевый Политех на закате солнца и зеленые озера. Теперь я имею возможность любоваться на зеленые речки и озера Техаса, и тут же оранжевые скалы в каньоне национального парка Биг Бенд на границе с Мексикой, но тогда, после подмосковной стороны и даже Кавказа (преимущественно серого цвета) это буйство красок: синяя густота неба, сверкающие ледники Марии, осыпающиеся с черных-коричневых скал, зеленый арчевник, голубоватые Куликалонские озера – все казалось мне настоящей сказкой – такой же яркой и заманчивой, как сборник восточных сказок «Волшебный рубин», привезенный давным-давно отцом из такой же горной поездки, издательства не то Душанбе, не то Самарканда (если там оно вообще существует).

Но больше всего мне нравилась тополиная роща. Лагерь наш располагался прямо на берегу Алаудинского озера. Вода там была обычной горной холодности, и мы с Салаватом совершали неторопливые заплывы поперек Большого озера. Неторопливые – поскольку от быстрого махания руками заходило сердце – а так, медленно и плавно, в ритме менуэта, «кто понял жизнь – тот не спешит». Готовили в лагере на общем костре и газовой плитке с большими баллонами, а когда уходили на выходы – на

примусах. Сало хранили под камушком в озере, и однажды его таки кто-то увел, должно быть, наши приветливые соседи. Из лагеря, как водится, шло примерно 4 дороги. Одна вниз к людям, другая на перевал Алаудинский – набор высоты 1000 метров, а потом еще 200 и вот он пик Алаудин – «страж»; третья вела вверх по ущелью, а четвертая уходила вбок на подходы к Бодхоне и другим, а еще там мы собирали хворост для костра. И, конечно, наши ребята попались леснику, когда пилили практически сухую ветку арчи, но с маленькой зеленью на конце, что, очевидно, доказывало ее живость. Штрафанули нас примерно, и прочли лекцию об экологии.

Стояли мы на границе распространения арчи. Выше эти суровые скрученные ветрами хвойные не росли. Растительность шла невысокая – все больше былинки и цветочки, и какая-нибудь черемша. Когда из лагеря идешь вверх по долине, слева видны серые осыпи подножья Политеха, справа рыжая гряда с перевалами и невысокими скальными вершинками, тропа виляет между бульниками, и вдруг, ты совершенно неожиданно оказываешься среди тополей. Целая рощица невысоких, но прямых тополей с серебристыми листьями, которые дрожат на ветру, а между ними маленькие озерка, некоторые чуть больше ванны, но довольно глубокие и с прозрачной водой. Тогда мне казалось чудом, как эти листовенные «среднерусские» деревья смогли вырасти и жить в этих неприветливых и зимой недоступных горах там, где даже арча уже не растет.

Казалось, серебристые листья тополей сверкают и пускают солнечные зайчики по воде. На память приходил Толкиеновский Лориэль – эльфийский лес. Мы все тогда читали фэнтези. Это было давно. Но вот прошлой зимой мы ездили в Нью-Мехико, были в парке Белых песков. Это громадная территория, часть которой занимает бывший космодром, откуда американцы летали на Луну, а теперь там военная авиабаза, но часть открыта для туристов. Идеально белые дюны одна за другой уходят к фиолетовым горам Святого Андрея, а над головой – совершенно чистое синее небо – это сушь, это пустыня, и еще удивительнее, что дюны эти состоят не из кварцевого песка, а из гипса. В этой долине нет стока, нет воды растворить и унести этот гипс в моря. Дождей тоже практически нет. По гипсу идти гораздо проще, чем по песку – не вязнешь! И можно отмахивать одну дюну за другой и все равно не дойти до гор – их отлично видно, но все ж они слишком далеко. Там почти ничего не растет, ко всему прочему дюны все время движутся; то, что выросло на их склонах, заносится песком накатывающейся дюны или остается «висеть в воздухе», когда дюна уходит. Но на крайних дюнах есть не только кактусная юкка. Есть деревья, которые смогли расти на этой практически 100% соли. Это оказались тополя. И листья у них такие же серебристые, как листья Алаудинских тополей, и так же дрожат на ветру – в дюнах все время ветер. Наверное, тополя – очень сильные деревья. Они растут в горах и песках. Они живут там, где другие и не пытаются. Когда я вспоминаю альпсборы МГУ, то мысленно вижу своих прежних друзей, таких, какими они были в Фанах – черных от солнца и ветра, веселых и молодых, а еще я вспоминаю серебристые тополя среди камней.

май 2006 г. Остин, Техас